

Л.Н. Толстой

«Для чего люди одурманиваются?»

Статью Льва Николаевича Толстого «Для чего люди одурманиваются?» мы публикуем по электронной версии самого полного, 90-томного собрания сочинений, вышедшего в свет в 1928–1958 гг., с некоторыми сокращениями и не вошедшими в нее вариантами, которые приводятся в скобках. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л.Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик» (<http://tolstoy.ru/>) – Фёкла Толстая.

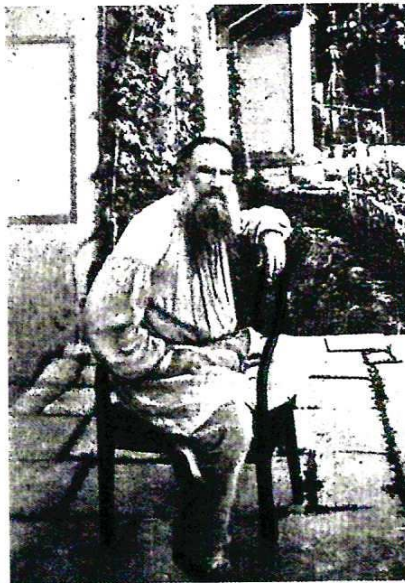
I

Что такое употребление одурманивающих веществ – водки, вина, пива, гашиша, опиума, табака и других, менее распространенных: эфира, морфина, мухомора? Отчего оно началось и так быстро распространилось и распространяется между всякого рода людьми, дикими и цивилизованными, одинаково? Что такое значит то, что везде, где только не водка, вино, пиво, там опиум или гашиш, мухомор и другие, и табак везде? Зачем людям нужно одурманиваться?

Спросите у человека, зачем он начал пить вино и пьет. Он ответит вам: «Так, приятно, все пьют», да еще прибавит: «Для веселья». Некоторые же, те, которые ни разу не дали себе труда подумать о том, хорошо или дурно то, что они пьют вино, прибавят еще то, что вино здорово, дает силы, то есть скажут то, несправедливость чего давным-давно уже доказана.

Спросите у курильщика, зачем он начал курить табак и курит теперь, и он ответит то же: «Так, от скуки, все курят».

Так же, вероятно, ответят и потребители опиума, гашиша, морфина, мухомора.

«Так, от скуки, для веселья, все это делают». Но ведь это хорошо так, от скуки, для веселья, оттого, что все это делают, вертеть пальцами, свистеть, петь песни, играть на дудке и тому подобное, то есть делать что-нибудь такое, для чего не нужно ни губить природных богатств, ни затрачивать больших рабочих сил, делать то, что не при-

носит очевидного вреда ни себе другим. Но ведь для производства табака, вина, гашиша, опиума сто среди населений, нуждающихся в земле, занимаются миллионы лучших земель помы ржи, картофеля, лоз, конопа, мака, табака, и миллионы рабочих в Англии 1/8 всего населения – няты целые жизни производят этих одурманивающих веществ. Кроме того, употребление этих веществ очевидно вредно, производит страшные, всем известные всеми признаваемые бедствия, которых гибнет больше людей, от всех войн и заразных болезней вместе. И люди знают это; так не может быть, чтоб это делали так, от скуки, для веселья, оттого только, что все это делают.

Тут должно быть что-нибудь другое. Беспременно и повсюду встречаешь людей, любящих своих детей, готовых принести всякого рода жертвы для их блага и вместе с тем пропивающих на водке, в пиве или прокуривающих на уму или гашише и даже на табаче, что или совсем прокормили бедствующих и голодающих детей или по крайней мере избавили их от лишений. Очевидно, что человек, поставленный в условиях необходимости выбора между лишениями и страданиями своей семьи, которую он любит, и держанием от одурманивающих веществ, все-таки избирает первое, то побуждает его к этому нечто более важное, чем то, все это делают, и что это делают. Очевидно, что делается это не от скуки, для веселья, а что есть какая-то более важная причина.

Причина эта, насколько я понимаю ее из чтения об этом в летописях и наблюдений над дружными людьми и в особенности над собой, когда я пил вино и курил табак, – причина эта, по моим наблюдениям, следующая.

В период сознательной жизни человек часто может заметить себе два раздельные существа: одно – слепое, чувственное, и другое – зрячее, духовное. Слепое

вотное существо ест, пьет, отдыхает, спит, плодится и движется, как движется заведенная машина; зрячее духовное существо, связанное с животным, само ничего не делает, но только оценивает деятельность животного существа тем, что совпадает с ним, когда одобряет эту деятельность, и расходится с ним, когда не одобряет ее.

Зрячее существо это можно сравнить со стрелкой компаса, указывающей одним концом на Nord, другим на противоположный полюс – Süd, и прикрытой по своему протяжению пластинкой, стрелкой, не видной до тех пор, пока то, что несет на себе стрелку, движется по ее направлению, но выступающей и становящейся видной как скоро то, что несет стрелку, отклоняется от указываемого ею направления.

Точно так же зрячее духовное существо, проявление которого в просторечии мы называем совестью, всегда показывает одним концом на добро, другим – на противоположное, зло, и не видно нам до тех пор, пока мы не отклоняемся от даваемого им направления, то есть от зла к добру. Но стоит сделать поступок, противный направлению совести, и появляется сознание духовного существа, указывающее отклонение животной деятельности от направления, указываемого совестью. И как мореход не мог бы продолжать работать веслами, машиной или парусом, зная, что он идет не туда, куда ему надо, до тех пор, пока он не дал бы своему движению направление, соответствующее стрелке компаса, или не скрыл бы от себя ее отклонение, так точно и всякий человек, почувствовав раздвоение своей совести с животной деятельностью, не может продолжать эту деятельность до тех пор, пока или не приведет ее в согласие с совестью, или не скроет от себя указаний совести о неправильности животной жизни.

Вся жизнь людская, можно сказать, состоит только из этих двух деятельностей: 1) приведения своей деятельности в согласие с совестью и 2) скрывания от себя

Л.Н. Толстой на коньках
в саду московского дома
1898 г. Москва
Фотография С.А. Толстой

указаний своей совести для возможности продолжения жизни. Одни делают первое, другие – второе. Для достижения первого – приведения поступков в согласие с своей совестью – есть только один способ: нравственное просвещение – увеличение в себе света и внимание к тому, что он освещает; для второго – для скрытия от себя указаний совести – есть два способа: внешний и внутренний. Внешний способ состоит в занятиях, отвлекающих внимание от указаний совести; внутренний состоит в затемнении самой совести.

(Духовное существо это, которое есть наше разумное сознание, проявляющееся в виде совести... ничего не предписывает, не делает ни малейшего насилия над животным существом, но не переставая указывает ему его отступление от требований добра, и это указание парализует деятельность существа. Точно также как отклонение компаса от линии, определенной компасом, не насилуя того, кто руководится им, парализует его деятельность, и сознание отклонения от истинного пути выражается страданием. Сознание же совпадения с истинным путем дает радость и увеличение энергии жизни.

Все мы с детских лет знаем радостное чувство сознания того, что ты сделал то, что от тебя ожидали, и что старшие довольны тобой. Так это в детстве, где место совести занимает одобрение других. В молодости же и в зрелых годах... одо-

брение старших получает меньше и меньше значения, и на место его является собственное разумное сознание. Все мы знаем, что нет более радостного воспоминания, как воспоминание о тех временах, когда ты знал, что сознательно делал то, что должно было. И все мы знаем, что нет более тяжелого воспоминания, как о тех временах, когда ты знал, что надо было, и не делал этого, или знал, что не надо было делать то, что ты делал, и все-таки делал... Согласие жизни и требований сознания есть блаженство. Разногласие между требованиями сознания и жизнью есть страдание, и страдание такое сильное, что человек не может долго переносить его и так или иначе выходит из него...).

Как может человек скрыть от своего зрения находящийся пред ним предмет двумя способами, – внешним отвлечением зрения к другим, более поражающим предметам, и засорением глаз, – так точно и указания своей совести человек может скрыть от себя двояким способом: внешним – отвлечением внимания всякого рода занятиями, заботами, забавами, играми, и внутренним – засорением самого органа внимания. Для людей с тупым, ограниченным нравственным чувством часто вполне достаточно внешних отвлечений для того, чтобы не видеть указаний совести о неправильности жизни. Но для людей нравственно чутких средств...их часто недостаточно. Внешние способы не вполне отвлекают вни-

Л.Н. Толстой
1909 г. Ясная Поляна
Фотография В.Г. Чертова

мание от сознания разлада жизни с требованиями совести; сознание это мешает жить, и люди, чтобы иметь возможность жить, прибегают к несомненному внутреннему способу затемнения самой совести, состоящему в отравлении мозга одуряющими веществами.

Жизнь не такова, какая бы она должна быть по требованиям совести. Повернуть жизнь сообразно этим требованиям нет сил. Развлечения, которые бы отвлекали внимание от сознания этого разлада, недостаточны или они приелись, и вот для того, чтобы быть в состоянии продолжать жить, несмотря на указания совести о неправильности жизни, люди отравляют, на время прекращая его деятельность, тот орган, через который проявляются указания совести, так же как человек, умышленно засоривший глаз, скрыл бы от себя то, что он не хотел бы видеть.

II

Не во вкусе, не в удовольствии, не в развлечении, не в веселье лежит причина всемирного распространения гашиша, опиума, вина, табаку, а только в потребности скрыть от себя указания совести.

Иду я раз по улице и, проходя мимо разговаривающих извозчиков, слышу, один говорит другому: «Известное дело – тверезому совестно!»

Трезвому совестно то, что не совестно пьяному. Этими словами высказана существенная, основная причина, по которой люди прибега-

ют к одурманивающим веществам. Люди прибегают к ним или для того, чтобы не было совестно после того, как сделан поступок, противный совести, или для того, чтобы вперед привести себя в состояние, в котором можно сделать поступок, противный совести, но к которому влечет человека его животная природа.

Трезвому совестно ехать к непотребным женщинам, совестно украсть, совестно убить. Пьяному ничего этого не совестно, и потому, если человек хочет сделать поступок, который совесть воспрещает ему, он одурманивается.

Помню поразившее меня показание судившегося повара, убившего мою родственницу, старую бары-

ню, у которой он служил. Он рассказывал, что, когда он услал свою бовницу горничную, и наступило время действовать, он пошел с ножом к спальне, но почувствовал, что трезвый не может сшить задуманного дела. «Твему совестно». Он вернулся, взял два стакана припасенной водки и только тогда почувствовал себя готовым и сделал.

Девять десятых преступлений вершаются так: «Для смелости пить!» Половина падений же происходит под влиянием Почти все посещения непотребных домов совершаются в пьяном. Люди знают это свойство и сознательно употребляют его для этой цели.

Мало того, что люди сами одурманиваются, чтобы заглушить совесть, – зная, как действует она, желая заставить других сделать поступок, противный совести, нарочно одурманивают организуют одурманивание людей, чтобы лишить их совести. Например, солдаты напаивают пьяными в пашную. Все французские солдаты на севастопольских штурмах были напоены пьяными. После Геог-Тепе, когда солдаты не грабить и убивать беззащит-

стариков, детей, Скобелев велел напиться их пьяными, тогда они пошли.

Всем известны люди, спившиеся с круга вследствие преступлений, мучивших их совесть. Все могут заметить, что безнравственно живущие люди более других склонны к одурманивающим веществам. Разбойничьи, воровские шайки, проститутки – не живут без вина.

Все знают и признают, что употребление одурманивающих веществ бывает последствием укоров совести, что при известных безнравственных профессиях одурманивающие вещества употребляются для заглушения совести. Все также знают и признают, что потребление одуряющих веществ заглушает совесть, что человек пьяный способен на поступки, о которых он трезвый не решился бы и подумать. Все с этим согласны, но – странное дело! – когда следствием употребления одурманивающих веществ не являются такие поступки, как воровство, убийство, насилие и тому подобное; когда одурманивающие вещества принимаются не вслед за какими-нибудь страшными преступлениями, а людьми, профессии которых не считаются нами преступными, и когда вещества эти принимаются не сразу в большом количестве, но постоянно в умеренном, то почему-то предполагается, что одурманивающие вещества уже не действуют на совесть, заглушая ее.

Так, предполагается, что выпивание русским достаточным человеком ежедневно перед каждой едой по рюмке водки и за едой по стакану вина, французом – своей полынной настойки и вина, англичанином – своего портвейна и портера, немцем – своего пива, а зажиточным китайцем выкуривание своей умеренной порции опиума и курение при этом табаку делается только для удовольствия и несколько не влияет на совесть людей.

Предполагается, что если после этого обычного одурманивания не совершено преступления, воровства, убийства, а известные поступки,

глупые и дурные, то эти поступки произошли сами собой, а не вызваны одурманиванием. Предполагается, что если этими людьми не совершено уголовного преступления, то им и нет причин заглушать свою совесть, и что та жизнь, которую ведут люди, предающиеся постоянному одурманиванию себя, есть жизнь вполне хорошая и была бы точно такую же, если бы люди эти не одурманивались. Предполагается, что постоянное употребление одурманивающих веществ несколько не затемняет их совести.

Несмотря на то, что каждый по опыту знает, что от употребления вина и табаку настроение изменяется, и перестает быть совестно то, что без возбуждения было совестно; что после каждого, хотя бы и мелкого, укора совести так и тянет к какому-нибудь дурману, и что под влиянием одурманивающих веществ трудно обдумать свою жизнь и свое положение, и что постоянное и равномерное употребление одуряющих веществ производит то же физиологическое действие, как и одновременное неумеренное, – людям, умеренно пьющим и курящим, кажется, что они употребляют одурманивающие вещества совсем не для заглушения своей совести, а только для вкуса и удовольствия.

(Оттого и говорится, и повторяется это... слово Писания (как жаль, что помнят больше всего такие слова), что вино веселит сердце че-

ловека (хотя вино, собственно, не веселит, а только уничтожает... тоску и страдание, происходящие от сознания несогласия своей жизни с требованиями совести...). Вино делает то, что перестает быть стыдно, совестно, скучно и мучительно, и потому кажется, что оно веселит...

Про себя знаю, что когда я пил вино – я редко напивался – раза два в жизни – то я делал, не будучи тем, что называется пьяным, под влиянием его такие поступки, говорил такие вещи (а в нашем быту главные наши поступки – слова), которые и не подумал бы сделать и сказать без вина).

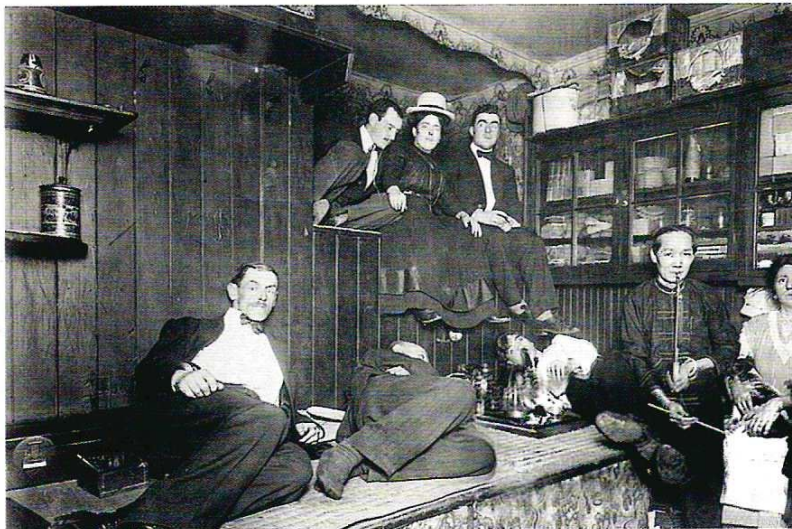
Но стоит только серьезно и беспристрастно, не выгораживая себя, подумать об этом, чтобы понять, что, во-первых, если употребление одурманивающих веществ сразу в больших размерах заглушает совесть человека, то постоянное употребление этих веществ должно производить то же действие, так как одурманивающие вещества действуют физиологически всегда одинаково, всегда возбуждая и потом притупляя деятельность мозга, будут ли они приняты в больших или малых приемах; во-вторых, что если одурманивающие вещества имеют свойство заглушать совесть, то они имеют его всегда – и тогда, когда под влиянием их совершается убийство, воровство, насилие, и когда под влиянием их говорится слово, которое не сказалось бы, ду-

мается и чувствуется то, что не думалось и не чувствовалось бы без них; и в-третьих, что если потребление одурманивающих веществ нужно для того, чтобы заглушить их совесть вора, разбойникам, проституткам, то оно точно так же нужно людям, занимающимся профессиями, осуждаемыми их совестью, хотя бы профессии эти признавались законными и почетными другими людьми.

Одним словом, нельзя не понять того, что употребление одурманивающих веществ в больших или малых размерах, периодически или постоянно, в высшем или низшем кругу вызывается одною и тою же причиной – потребностью заглушения голоса совести для того, чтобы не видать разлада жизни с требованиями сознания.

(Морфинист требует одного спокойствия физического, безболезненности, и наркотик дает ему это. Сознание едока или курильщика опиума и гашиша требует удовлетворений похоти, которые невозможны ему, и наркотик погружает его в состояние галлюцинации, при котором ему кажется, что он имеет то, чего ему хочется. Разница гашиша, опиума от алкоголя и табака та, что табак разрушает судьбу и критика умственного, распускает преимущественно ум и речь, алкоголь – преимущественно чувство, морфин, гашиш и опиум преимущественно воображение. При первом – табачном опьянении усыпляется задерживающий размах и произвол ума, при алкоголе – задерживающее чувство, при морфине, опиуме, гашише – воображение.

Все знают, что страстные потребители морфина, опиума, гашиша, предаваясь своему пороку и живя в мире воображения, в который их переносит прием одуряющего вещества, все более и более становятся равнодушными к жизни, не стараясь уже изменять ни себя, ни условия своей жизни соответственно требованиям своего сознания, и становятся теми, что называется невменяемыми. Ненормальность этих людей признается всеми, и

мы совершенно справедливо относимся к ним, как к больным людям, с которыми нельзя рассуждать, но которых надо лечить. Почему же люди нашего мира, постоянно пьющие вино и курящие, представляются нам совершенно нормальными, и нам и в голову не приходит, что люди, потребляющие алкоголь и табак, точно так же люди не нормальные и больные, как и морфинисты или едоки и курильщики опиума и гашиша?

Если можно установить различие между последствиями потребления опиума, гашиша, морфина, алкоголя и табаку, то только в особенностях нарушения цельности душевной деятельности: одно вещество нарушает одну сторону душевной деятельности, другое – другую; но все одинаково нарушают нормальность этой деятельности, а потому все одинаково достигают цели скрыть от человека требования его сознания.

...Действие морфина и опиума, мне кажется, состоит преимущественно в уничтожении в человеке сознания его физической слабости, действие гашиша – в уничтожении руководителя воображения... Действие же алкоголя состоит в уничтожении сознания чувства хорошего и дурного; табака – в уничтожении сознания разумного и

бессмысленного. Опиум и морфин уничтожают как бы совесть и гашиш – совесть воображения, коголь – совесть чувства, табак – совесть ума... Вино лишает человека совести, табак – разума).

III

В этом одна причина распространения всех одуряющих веществ, и между другими табак едва ли не самого распространенного и самого вредного.

Предполагается, что табак и лит, уясняет мысли, привлекает себе только как всякая привлекательность в каком случае не произведет того действия заглушения голоса совести, которое признается вином. Но стоит только повнимательнее взглянуть в условия, которых проявляется особая потребность в курении, для того чтобы убедиться, что одурманено табачком, точно так же как и вином действует на совесть, и что люди сознательно прибегают к этому одурманению именно тогда, когда оно нужно им для этой цели.

Если бы табак только уяснял мысли и веселил, не было бы страстной потребности в нем в определенных случаях, и не ворили бы люди, что они горше пробить скорее без хлеба, чем

табаку, и действительно часто не предпочитали бы курение пище.

Тот повар, который зарезал свою барыню, рассказывал, что, когда он, войдя в спальню, резнул ее ножом по горлу, и она упала, хрипя, и кровь хлынула потоком, то он заробел. «Я не мог дорезать, – говорил он, – и вышел из спальни в гостиную, сел там и выкурил папироску». Только одурманившись табаком, он почувствовал себя в силах вернуться в спальню дорезать старуху и разобратся в ее имуществе.

Очевидно, потребность курить в эту минуту была вызвана в нем не желанием уяснить мысли или развеселиться, а необходимостью заглушить что-то, мешавшее ему сделать задуманное дело.

Такую определенную потребность к одурманению себя табаком в известные, самые затруднительные минуты может заметить в себе всякий курящий. Вспоминаю за время своего курения, когда я чувствовал особенную потребность в табаке. Всегда это было в такие минуты, когда мне именно хотелось не помнить то, что я помнил – хотелось забыть, не думать.

Сию я один, ничего не делаю, знаю, что мне надо начать работу, и не хочется, – я закуриваю и продолжаю сидеть.

Я обещал кому-либо быть у него в 5 часов и засиделся в другом месте; я вспоминаю, что я опоздал, но мне не хочется помнить это, – и я курю.

Я раздражен и говорю человеку неприятное и знаю, что делаю дурно, и вижу, что надо перестать, но мне хочется дать ход своему раздражению, – я курю и продолжаю раздражаться.

Я играю в карты и проигрываю больше того, чем то, чем я хотел ограничиться, – я курю.

Я поставил себя в неловкое положение, я дурно поступил, ошибся, и мне надо сознать свое положение, чтобы выйти из него, но не хочется сознаться, – я обвиняю других и курю.

Я пишу и не совсем доволен тем, что пишу. Надо бросить, но хочется дописать то, что задумал, – я курю.

Я спору и вижу, что мы с противником не понимаем и не можем понять друг друга, но хочется высказать свои мысли, – я продолжаю говорить и курю.

Особенность табака от других одуряющих веществ, кроме легкости одурманивания себя им и его кажущейся безвредности, заключается еще и в его, так сказать, портативности, возможности прилагать его к мелким отдельным случаям.

Не говоря уже о том, что употребление опиума, вина, гашиша сопряжено с некоторыми приспособлениями, которые не всегда можно иметь, табак же и бумагу всегда можно иметь с собой, и о том, что курительщик опиума, алкоголик возбуждает ужас, человек же, курящий табак, не представляет ничего отталкивающего, – преимущество табака перед другими дурманами то, что дурман опиума, гашиша, вина распространяется на все впечатления и действия, получаемые и производимые в известный, довольно продолжительный период времени, дурман же табака может быть направлен на каждый отдельный случай. Хочешь сделать то, чего не следует, – выкуриваешь папироску, одурманиваешься настолько, насколько нужно, чтобы сделать то, что не надо было, и опять свеж и можешь ясно мыслить и говорить; или чувствуешь, что сделал то, чего не следовало, – опять папироска, и

неприятное сознание дурного или неловкого поступка уничтожено, и можешь заняться другим и забыть.

Но не говоря о тех частных случаях, в которых всякий курящий прибегает к курению, не как к удовлетворению привычки и препровождению времени, а как к средству заглушения совести для поступков, которые имеют быть сделаны или уже сделаны, разве не очевидна та строго определенная зависимость между образом жизни людей и их пристрастием к курению?

Когда начинают курить мальчики? Почти всегда тогда же, когда они теряют детскую невинность.

Отчего люди курящие могут переставать курить, как скоро становятся в более нравственные условия жизни, и опять начинают курить, как только попадают в развращенную среду?

Почему игроки почти все курят? Почему из женщин меньше курят женщины, ведущие правильный образ жизни? Почему проститутки и сумасшедшие все курят?

Привычка привычкой, но очевидно, что курение находится в определенной зависимости от потребности заглушения совести, и что она достигает этой своей цели.

Наблюдение о том, до какой степени курение заглушает голос совести, можно сделать над всяким почти курильщиком. Всякий курильщик, предаваясь своей страсти, забывает или пренебрегает самыми первыми требованиями общезнания, которых он требует от других и которые он соблюдает во всех других случаях, до тех пор, пока совесть его не заглушена табаком.

Всякий человек нашего среднего воспитания признает непозволительным, неблагоприятным, негуманным для своего удовольствия нарушать спокойствие и удобство, а тем более здоровье других людей. Никто не позволит себе намочить комнату, в которой сидят люди, шуметь, кричать, напустить холодного, жаркого или вонючего воздуха, совершать поступки, мешающие и вредящие другим. Но из 1000 ку-

рильщиков ни один не постеснится тем, чтобы напустить нездорового дыма в комнате, где дышат воздухом некурящие женщины, дети. Если закуривающие и спрашивают обыкновенно у присутствующих «Вам не неприятно?», то все знают, что принято отвечать «Сделайте одолжение» (несмотря на то, что некурящему не может быть приятно дышать зараженным воздухом и находить вонючие окурки в стаканах, чашках, тарелках, на подсвечниках или даже в пепельницах). Но если бы даже некурящие взрослые и переносили табак, то детям-то, у которых никто не спрашивает, никак не может быть это приятно и полезно. А между тем люди честные, гуманные во всех других отношениях курят при детях, за обедом, в маленьких комнатах, заражая воздух табачным дымом, не чувствуя при этом ни малейшего укора совести.

Обыкновенно говорят, и я говорил, что курение содействует умственной работе. И несомненно, что это так, если смотреть только на количество умственной работы. Человеку, курящему и потому перестающему строго оценивать и взвешивать свои мысли, кажется, что у него вдруг сделалось очень много мыслей. Но это совсем не то, что у него сделалось много мыслей, а только то, что он потерял контроль над своими мыслями.

Когда человек работает, он всегда сознает в себе два существа: одного – работающего, другого – оценивающего работу. Чем строже оценка, тем медленнее и лучше работа, и наоборот. Если же оценивающий будет находиться под влиянием дурмана, то работы будет больше, но качество ее будет ниже.

«Если я не курю, я не могу писать. Мне не пишется, я начинаю и не могу продолжать», говорят обыкновенно, говорил и я. Что же это значит? А то, что тебе или нечего писать, или то, что ты сейчас хочешь уже написать, еще не созрело в твоём сознании, а только смутно начинает представляться тебе, и оценивающий, живущий в тебе

критик, не одурманенный табаком, говорит тебе это. Если бы ты не курил, ты или оставил бы начатое и подождал времени, когда то, о чем ты думаешь, уяснилось бы тебе, или постарался вдуматься в то, что смутно представляется тебе, обдумал бы представляющиеся тебе возражения и напяртя бы все свое внимание на уяснение себе своей мысли. Но ты закуриваешь, судящий в тебе критик одурманивается, и задержка в твоей работе устраняется: то, что тебе трезвому от табаку казалось ничтожным, представляется опять значительным; то, что казалось неясным, уже не представляется таким; представлявшиеся тебе возражения скрываются, и ты продолжаешь писать, и пишешь много и быстро.

IV

«Но неужели такое малое, крошечное изменение, как легкий хмель, производимый умеренным употреблением вина и табаку, может производить какие-либо значительные последствия? Понятно, что если человек накуривается опиума, гашиша, напивается вина так, что падает и теряет рассудок, то последствия такого одурманивания могут быть очень важны; но то, что человек находится под самым легким действием хмеля или табаку, никак не может иметь ника-

ких важных последствий», го- обыкновенно. Людям кажется маленький дурман, маленькое изменение сознания не может про- дить важного влияния. Но д- так – все равно, что думать т- часам может быть вредно то, ударить их о камень, но что положить соринку в середи- хода, то это не может повреди-

Ведь главная работа, дв- щая всей жизнью людской, исходит не в движениях рук- спин человеческих, а в созн- Для того чтобы человек сове- что-нибудь ногами и руками, но; чтобы прежде совершило- вестное изменение в его созн- И это-то изменение определя- последующие действия чело- Изменения же эти всегда б- крошечные, почти незаметны

Брюллов поправил ученику- Ученик, взглянув на изменив- эту, сказал: «Вот чуть-чуть- нули эту, а совсем стал др- Брюллов ответил: «Искусство- ко там и начинается, где начи- ся чуть-чуть».

Изречение это поразительн- но, и не по отношению к одно- кусству, но и ко всей жизни. И- сказать, что истинная жизнь- нается там, где начинается- чуть, там, где происходят каж- ся нам чуть-чуточными беско- малые изменения. Истинная : происходит не там, где совер- ся большие внешние изме- где передвигаются, сталкив- дерутся, убивают друг друга- а она происходит только та- совершаются чуть-чуточные- ференциальные изменения.

Истинная жизнь Раскол- ва совершалась не тогда, ког- убивал старуху или сестру ее- вая самую старуху и в особен- сестру ее, он не жил истинно- нью, а действовал, как маши- лал то, чего не мог не делать: скал тот заряд, который дав- был заложен в нем. Одна с- убита, другая тут перед ним, у него в руке.

Истинная жизнь Раскол- происходила не в то время

да он встретил сестру старухи, а в то время, когда он не убивал еще ни одной старухи, не был в чужой квартире с целью убийства, не имел в руках топора, не имел в пальто петли, на которую вешал его, – в то время, когда он даже и не думал о старухе, а, лежа у себя на диване, рассуждал вовсе не о старухе и даже не о том, можно ли или нельзя по воле одного человека стереть с лица земли ненужного и вредного другого человека, а рассуждал о том, следует ли ему жить или не жить в Петербурге, следует ли или нет брать деньги у матери, и еще о других, совсем не касающихся старухи, вопросах. И вот тогда-то, в этой совершенно независимой от деятельности животной области, решались вопросы о том, убьет ли он или не убьет старуху. Вопросы эти решались не тогда, когда он, убив одну старуху, стоял с топором перед другой, а тогда, когда он не действовал, а только мыслил, когда работало одно его сознание, и в сознании этом происходили чуть-чутьные изменения. И вот тогда-то бывает особенно важна для правильного решения возникающего вопроса наибольшая ясность мысли, и вот тогда-то один стакан пива, одна выкуренная папироска могут помешать решению вопроса, отдалить это решение, могут заглушить голос совести, содействовать решению вопроса в пользу низшей животной природы, как это и было с Раскольниковым.

Изменения чуть-чутьные, а от них-то самые громадные, ужасные последствия. От того, что делается, когда человек решился и начал действовать, может измениться много материального, могут погибнуть дома, богатства, тела людей, но ничего не может сделаться больше того, чем то, что залегло в сознание человека. Пределы того, что может произойти, даны сознанием. Но от чуть-чутьных изменений, которые совершаются в области сознания, могут произойти самые невообразимые по своей значительности последствия, для которых нет пределов.

Пусть не думают, что то, что я говорю, имеет что-нибудь общее с вопросами о свободе воли и детерминизме. Разговоры об этих предметах совершенно излишни для моей цели, да и для чего бы то ни было. Не решая вопроса о том, может или не может человек поступать так, как он хочет (вопроса, по-моему, неправильно поставленного), я говорю только о том, что так как человеческая деятельность

определяется чуть-чутьными изменениями в сознании, то (все равно – признавая или не признавая так называемую свободу воли) и надо быть особенно внимательным к тому состоянию, в котором проявляются эти чуть-чутьные изменения, как надо быть особенно внимательным к состоянию весов, посредством которых мы взвешиваем предметы.

Надо, насколько это от нас зависит, стараться поставить себя и других в такие условия, при которых не нарушалась бы ясность и тонкость мысли, необходимые для правильной работы сознания, а не поступать обратно, стараясь затруднить и запутать эту работу сознания потреблением одуряющих веществ.

Человек ведь есть и духовное, и животное существо. Человека можно двигать, влияя на его животное существо, и можно двигать, влияя на его духовную сущность. Так же, как часы можно двигать за стрелки и за главное колесо. И как в часах удобнее руководить движением через внутренний механизм, так и человеком – собой или другим – удобнее руководить через созна-

ние. И как в часах пуще всего надо блюсти то, чем удобнее двигать серединный механизм, так и в человеке пуще всего надо блюсти чистоту, ясность сознания, которым удобнее всего двигать человеком. Сомневаться в этом невозможно, и все люди знают это; но является потребность обманывать себя. Людям не столько хочется, чтобы сознание работало правильно, сколько того, чтобы им казалось, что правильно то, что они делают, и они сознательно употребляют такие вещества, которые нарушают правильную работу сознания.

V

Пьют и курят не так, не от скуки, не для веселья, не потому, что приятно, а для того, чтобы заглушить в себе совесть. И если это так, то как ужасны должны быть последствия! В самом деле – подумать, какова бы была та постройка, которую строили бы люди не с прямым правилом, по которому они выравняли бы стены, не с прямоугольным угольником, которым бы они определяли углы, а с мягким правилом, которое сгибалось бы по всем неровностям стены, и с угольником, складывающимся и приходящимся к каждому – и острому и тупому – углу.

А ведь благодаря одурманиванию

себя это самое и делается в жизни. Жизнь не приходится по совести – совесть сгибается по жизни. Это делается в жизни отдельных лиц, это же делается и в жизни всего человечества, слагающегося из жизни отдельных лиц.

Для того чтобы понять все значение такого отуманения своего сознания, пускай всякий человек вспомнит хорошенько свое душевное состояние в каждый период

своей жизни. Каждый человек, что в каждый период его: перед ним стояли известные ответственные вопросы, которые надо было разрешить и от решения которых зависело все благо жизни. Для разрешения этих вопросов нужно большое напряжение внимания. Это напряжение в них составляет труд. В каждом труде, особенно в начале его период, когда труд представляется тяжелым, мучительным, и слабая человеческая подсказывает не оставить его. Физический труд представляется мучительным в начале его; еще более мучительным представляется труд умственный.

Как говорит Лессинг, люди имеют свойство переставать думать тогда, когда думанье начинают представлять трудности, и и тогда, прибавлю я, когда думанье начинает быть плодотворным человек чувствует, что решенных перед ним вопросов трудного, часто мучительного труда, и ему хочется отвыкнуть от этого труда. Если бы у него не было внутренних средств одурманить он не мог бы изгнать из своего сознания стоящих перед ним вопросы и волей-неволей был бы вестен к необходимости решить их. Но вот человек узнает средство отгонять эти вопросы всегда, они представляются, и употребляет его.

(Ни на чем это так не видно, как на шахматной игре. Партия обычно, но вот наступает решающий ход, игрок думает, но не решается, и не решается, на если он курит, он зажигает трубку, затягивается, одурманяется и делает ход. Собственно исходит тут следующее: как игрок по свойству своей игры вследствие большей или меньшей практики игры может обдумать варианты ходов до известных пределов. Когда наступает трудный ход игрок делает напряжение, чтобы увидеть дальше этих пределов, смутно представляя себе дальнейшие варианты, испытывает ощущение тяжести, напряжения. Для

чтобы поступить разумно, ему надо бы сделать еще большее напряжение, но вместо этого он, под предлогом того, что куренье проясняет ему мысли, закуривает, одурманивается, скрывает от себя эти дальнейшие возможности соображений и, не видя уже их, ограничивается меньшими вариантами, низшими соображениями – и делает ход. То же самое происходит при всех умственных работах).

Как только предстоящие к разрешению вопросы начинают мучить его, человек прибегает к этим средствам и спасается от беспокойства, вызываемого тревожащими вопросами. Сознание перестает требовать разрешения их, и неразрешенные вопросы остаются неразрешенными до следующего просветления. Но при следующем просветлении повторяется то же, и человек месяцами, годами, иногда всю жизнь продолжает стоять перед теми же нравственными вопросами, ни на шаг не подвигаясь в разрешении их. А между тем в разрешении нравственных вопросов и состоит все движение жизни.

Совершается нечто подобное тому, что делал бы человек, которому через взмученную воду надо бы увидеть дно, для того чтобы достать драгоценную жемчужину, и который бы, не желая взойти в воду, сознательно взбалтывал воду, как скоро она начинала бы отстаиваться и быть прозрачной. Всю жизнь часто стоит человек одурманивающийся неподвижно на том же, раз усвоенном, неясном, противоречивом мирозерцании, упираясь при всяком наступающем периоде просветления все в ту же стену, в которую он упирался 10–20 лет тому назад и которую нечем пробить, потому что он сознательно притупляет то острое мысли, которое одно могло бы пробить ее.

Пусть всякий вспомнит себя за тот период, во время которого он пьет и курит, и пусть проверит то же самое на других, и всякий увидит одну постоянную черту, отличающую людей, предающихся одурманиванию, от людей, свобод-

ных от него: чем больше одурманивается человек, тем более он нравственно неподвижен.

VI

Ужасны для отдельных лиц, как описывают их нам, последствия потребления опиума и гашиша; ужасны знакомые нам последствия потребления алкоголя на отъявленных пьяницах; но без сравнения ужаснее последствия для всего общества того, считающегося безвредным, умеренного употребления водки, вина, пива и табаку, которому предается большинство людей, а в особенности так называемые образованные классы нашего мира. Последствия эти должны быть ужасны, если признать то, чего нельзя не признать: что руководящая деятельность общества – деятельность политическая, служебная, научная, литературная, художественная – производится большей частью людьми, находящимися не в нормальном состоянии, людьми пьяными.

Обыкновенно предполагается,

что человек, который, как большинство людей наших достаточных классов, употребляет алкогольные напитки при всяком принятии пищи, находится на другой день, в тот период времени, когда он работает, в совершенно нормальном и трезвом состоянии. Но это совершенно несправедливо. Человек, выпивший накануне бутылку вина, стакан водки или две кружки пива, находится в обычном состоянии похмелья или угнетения, следующего за возбуждением, и потому в умственно подавленном состоянии, которое усиливается еще курением. Для того чтобы человек, курящий и пьющий постоянно и умеренно, привел мозг в нормальное состояние, ему нужно пробыть по крайней мере неделю или более без употребления вина и курения...

Освобождение от этого страшного зла будет эпохой в жизни человечества, и эпоха эта настает, кажется... Изменение в сознании по отношению к употреблению одуряющих веществ уже совершилось, люди поняли страшный вред их и начинают указывать его, и это незаметное изменение в сознании неизбежно повлечет за собой освобождение людей от употребления одуряющих веществ. Освобождение же людей от употребления одуряющих веществ откроет им глаза на требования их сознания, и они станут проводить свою жизнь в согласии с совестью...

10 июня 1890 года